

РЕЦЕНЗИИ

JAROSLAV VACULÍK. Reemigrace a repatriace Čechů a Slováků po první světové válce. Brno : Muni Press, 2014. 112 s.

Известный чехословацкий публицист и историк Ф. Пероутка полагал, что роль «отца чехословацкой независимости» сыграло «стремление народа к свободе», которое было выражено в первую очередь за границей. Хотя Пероутка имел в виду антиавстрийскую деятельность чешских политиков-эмигрантов, его замечание в известной степени можно распространить на чешскую и словацкую диаспору в целом. Многочисленная, влиятельная и хорошо организованная диаспора всегда играла важную роль в новейшей истории чехов и словаков.

Примечательно то обстоятельство, что направленная на создание независимого чехословацкого государства зарубежная деятельность Т. Масарика и Э. Бенеша в ходе Первой мировой войны своим успехом обязана поддержке со стороны чешской и словацкой диаспоры. Не менее примечательно и то, что, как полагает современный российский историк А. Бобраков-Тимошкин, колоссальную роль в пропаганде «чехословацкого проекта» у союзников по Антанте сыграло антибольшевистское восстание чехословацкого армейского корпуса в мае 1918 г., в результате которого ранее почти неизвестные «чехословаки», по словам Т. Масарика, «стали известны каждому».

Сложный процесс реэмиграции и репатриации чехов и словаков в Чехословакию после окончания Первой мировой войны имел существенное значение для становления новорожденного чехословацкого государства. Между тем этот исключительно важный в новейшей истории Чехословакии сюжет длительное время оставался вне поля внимания чешских историков.

Серьезный вклад в ликвидацию данного историографического пробела вносит монография известного чешского историка, профессора университета имени Т. Масарика в Брно и признанного авторитета в области изучения чешской эмиграции Я. Вацулика «Реэмиграция и репатриация чехов и словаков после Первой мировой войны», изданная в Брно в издательстве университета имени Т. Масарика в 2014 г.

Монография является плодом многолетних изысканий автора в данной области и опирается на солидную и разнообразную источниковую базу. При написании монографии использованы материалы Архива министерства иностранных дел Чехии, Национального архива в Праге, Военно-исторического архива Чехии, Словацкого национального архива в Братиславе, а также Государственного архива Киевской области в Киеве. Кроме того, автор активно использовал материалы чешской и словацкой периодической печати, включая эмигрантские издания в США и в других странах проживания чешских и словацких эмигрантов.

Первая глава монографии посвящена основательному анализу основных проблем, связанных с реэмиграцией и репатриацией в Чехословакию после Первой мировой войны.

Во второй главе содержится подробный анализ процесса реэмиграции и репатриации чехов и словаков из России, Украины, США, Австрии, Германии, а также из стран Западной, Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы.

Толчком для начала реэмиграции представителей чешской и словацкой диаспор за

рубежом стало окончание Первой мировой войны и образование независимой Чехословакии в 1918 г., что, как отмечает автор, стимулировало стремление чешских и словацких эмигрантов вернуться на родину. При этом «одновременно имел место процесс репатриации тех лиц, которые в ходе войны оказались за пределами чешских земель и Словакии, главным образом военнопленных бывшей австро-венгерской армии и чехословацких легионеров» (с. 7).

Среди основных причин реэмиграции автор называет социально-экономические соображения, прежде всего экономическую привлекательность Чехословакии (с. 7), «чувство гордости за принадлежность к чешскому и словацкому народу», а также «высокую степень идеализации своей родины» (с. 99).

В наибольшей степени интерес к реэмиграции проявили чешские и словацкие эмигранты в Австрии и Германии, где в результате поражения в Первой мировой войне социально-экономическое положение резко ухудшилось. Подобная ситуация имела место и в России, «где после большевистской революции в ноябре 1917 г. началась гражданская война» (с. 7).

Примечательно, что с самого начала решение комплекса вопросов о размещении реэмигрантов на родине увязывалось чехословацкими властями с насущными проблемами внутренней политики и использовалось для укрепления чешского и словацкого этнического элемента в Чехословакии.

По словам Я. Вацулика, «наибольшие возможности для послевоенной реэмиграции должны были возникнуть в Словакии, где в ходе земельной реформы планировалось ликвидировать привилегированное положение крупных немецких и венгерских латифундистов. Основную часть земельных участков получили словаки и словацкие венгры (70 %), оставшуюся часть получили чехи и мораване (29 %)» (с. 8).

При этом одной из наиболее важных задач реэмиграции и репатриации было такое размещение возвращенцев, чтобы использовать их, по выражению автора монографии, в

качестве «колониационного материала» в пограничных областях ЧСР (с. 9).

Тем самым чехословацкие власти стремились в полной мере воспользоваться процессом реэмиграции для усиления чешского и словацкого этнического элемента, прежде всего в проблемных для Праги пограничных регионах Чехословакии, где доминировали этнические немцы и венгры. Организацией непосредственной помощи колонистам на местах занималось Государственное земельное управление, которое, в частности, обеспечивало колонистов выгодными кредитами.

Результат данной работы довольно впечатляющ: в рамках земельной реформы в южной Словакии на землях бывших латифундистов, в основном этнических венгров, была создана 61 государственная колония; 11 подобных колоний возникло в южной части Подкарпатской Руси, где значительную часть местного населения также составляли венгры (с. 15).

Вопросам реэмиграции и репатриации уделялось колоссальное внимание со стороны правительства Чехословакии. Так, проблемой возвращения военнопленных чехов и словаков занималось министерство обороны, в рамках которого был образован специальный отдел. В решении вопросов, связанных с возвращением реэмигрантов, были задействованы Министерство социального обеспечения, в рамках которого было создано специальное управление; Министерство общественных работ, а также МИД. Процессы реэмиграции в чешские земли и в Словакию регулировались с учетом местной специфики. Проблемами переселения в Словакию ведало специальное отделение по вопросам переселенческой политики в Братиславе (с. 13).

В монографии показано, что на решение вопросов реэмиграции влияли социально-экономические реалии Чехословакии в первые годы после ее возникновения. Правительство ЧСР стремилось максимально облегчить материальные условия возвращения чешских и словацких эмигрантов на родину. Так, Министерство социального обеспечения

брало на себя заботу о предоставлении реэмигрантам транспорта и питания; чехословацкие государственные железные дороги предусматривали возможность перевозки материально необеспеченных репатриантов бесплатно или с 50 % скидкой (с. 9).

Вместе с тем далеко не радужная ситуация в экономике Чехословакии после окончания Первой мировой войны вынуждала Министерство социального обеспечения принимать меры, призванные минимизировать возвращение в страну тех реэмигрантов, которые не имели достаточных финансовых средств и не располагали в Чехословакии жильем и не могли получить гарантированного трудоустройства (с. 8).

В связи с этим руководство Министерства социального обеспечения призывало дипломатические учреждения ЧСР за границей препятствовать любым попыткам «поспешного» возвращения реэмигрантов на родину; причем тех реэмигрантов, жизненный уровень которых за рубежом был выше ожидаемого на родине, предлагалось прямо отговаривать от возвращения (с. 9).

Сравнивая реэмиграцию чехов и словаков после Первой и после Второй мировых войн, автор отмечает, что реэмиграция после Первой мировой войны осуществлялась в более сложных условиях. По словам Я. Вацулика, «в то время как после Второй мировой войны имелись дополнительные возможности расселения благодаря депортации немцев из пограничных областей, после Первой мировой войны, хотя и была проведена земельная реформа, возможности расселения и трудоустройства имелись лишь в сельской местности, прежде всего в немецких и венгерских латифундиях» (с. 15).

Около трети объема монографии посвящено реэмиграции и репатриации из России, что представляется вполне оправданным, поскольку на территории России находилось наибольшее число чехов и словаков. В их число входили как многочисленные довоенные колонисты, так и участники чехословацких военных легионов, военнопленные австро-венгерской армии чешской и словацкой национальности.

Как отмечает автор, специфика России и находящихся в ней чехов и словаков обусловила разделение российской территории на три репатриационных округа: 1. Южная Россия и Кавказ — под контролем добровольческой армии генерала А. Деникина; 2. Внутренняя Россия и Украина под контролем большевиков; 3. Территория Сибири (с. 19).

Из первого округа репатриация в ЧСР осуществлялась через Новороссийск и далее через Румынию и балканские страны. Репатриация из второго округа осуществлялась чехословацкими миссиями в Москве и Харькове; репатрианты отправлялись на родину преимущественно через территорию Галиции. Репатриация из Сибири была связана с возвращением на родину чехословацких легионеров и определялась спецификой данного процесса (с. 19).

В монографии подробно описываются выступления чехословацкой общественности и политиков за ускоренное возвращение на родину чехословацких легионеров и против их участия в Гражданской войне в России (с. 19—22).

С января 1919 г. началась эвакуация чехословацких легионеров и некоторых чехословацких граждан через Владивосток. Для организации эвакуации было создано специальное Эвакуационное управление чехословацкого войска в России, которое было подчинено верховному командующему чехословацкими войсками генералу М. Жанену и которое обеспечивало размещение войск на Дальнем Востоке, их питание и лечение, а также оформление необходимых документов. В соответствии с приказом министра обороны ЧСР М. Штефаника, Эвакуационное управление должно было организовать эвакуацию с Дальнего Востока не только личного состава чехословацкой армии, но и семей военнослужащих, а также гражданских колонистов-чехов (с. 23, 24).

Маршрут движения кораблей с эвакуируемыми чехами и словаками вел из Владивостока вокруг Китая, Индокитая, Индии, Аравийского полуострова и Малой Азии в Триест, откуда эвакуируемые отправлялись не-

посредственно в Чехословакию. Поведение эвакуируемых в ходе путешествия четко регламентировалось специально изданной инструкцией. По решению чехословацкого правительства все расходы по эвакуации чехословацких военнослужащих и членов их семей на родину брало на себя государство (с. 25). Последний транспорт с чехословацкими репатриантами отправился из Владивостока в Европу 29 января 1922 г.

Что касается репатриации чехов и словаков из внутренних областей России и других регионов под контролем большевиков, то в монографии детально показано, что данный процесс был осложнен политическими, социально-экономическими и идеологическими факторами.

Так, советские власти Туркестана препятствовали возвращению на родину примерно 7 тыс. находившихся здесь чехов и словаков, не желая терять квалифицированную рабочую силу в их лице (с. 44).

Власти РСФСР отказывались предоставить возможность реэмиграции тем чехам и словакам, которые имели российское гражданство. По словам Я. Вацулика, российские советские структуры осуществляли репатриацию лишь формально, «в реальности это реализовывалось чешскими коммунистами», при этом «весьма негативную роль здесь играли те чешские и венгерские коммунисты, которые работали в аппарате ЧК» (с. 45).

Дополнительные проблемы вызывало и то обстоятельство, что Министерство социального обеспечения Чехословакии, непосредственно занимавшееся организацией репатриации, не учитывало сложную специфику большевистской России и поэтому, по словам Я. Вацулика, «выполнение всех формальностей, предусмотренных Министерством социального обеспечения, в случае с Россией было иллюзией» (с. 46).

Значительные сложности периодически возникали и с польскими властями, которые часто затягивали решение вопроса о прохождении поездов с репатриантами по территории Польши (с. 44).

Примечательно, что хотя подавляющее большинство чехов и словаков стремилось

покинуть опустошенную Гражданской войной Россию, существовали и противоположные примеры. Так, автор упоминает, что после перехода к НЭПу несколько тысяч уже находившихся в Чехословакии русских чехов и словаков обратились с просьбой к властям обеспечить им возможность возвращения в Россию, где они намеревались возобновить свою предпринимательскую деятельность (с. 46).

Впрочем, наибольшее число тех реэмигрантов, которые, уже вернувшись в Чехословакию, предпочли вновь покинуть ее и возвратиться в страну своего предыдущего пребывания, приходилось на представителей чешской и словацкой диаспоры в США, которые нередко были разочарованы социально-экономическими условиями на своей исторической родине.

В заключении автор подчеркивает, что реэмиграция чехов и словаков после Первой мировой войны представляет собой важный, но все еще малоизученный сюжет чешской и словацкой истории. Он констатирует, что несмотря на серьезные социально-экономические и инфраструктурные проблемы, а также политическую нестабильность в Центральной и Восточной Европе, чехословацким властям в целом удалось успешно решить проблему возвращения в Чехословакию многочисленных чешских и словацких эмигрантов, обеспечив их интеграцию в социально-экономическую жизнь нового чехословацкого государства.

Монография Я. Вацулика, опирающаяся на обширный архивный материал и новейшую историографическую базу, вносит значительный вклад в изучение данного малоизвестного аспекта чешской и словацкой истории. Она дает возможность составить объективную картину важного сюжета в жизни молодого чехословацкого государства.

К. В. Шевченко, профессор кафедры публичного права Минского филиала Российского государственного социального университета, доктор исторических наук